

Рядовая командировка или Туда и обратно

18+

Владимир Мищенко

Владимир Мищенко

**Рядовая командировка
или Туда и обратно**

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Мищенко В.

Рядовая командировка или Туда и обратно / В. Мищенко —
«ЛитРес: Самиздат», 2007

"Кто, если не мы", "Сам погибай, а товарища выручай" - это девизы
Российских десантников-разведчиков. Но, чтобы стать дипломированным
разведчиком, ещё надо сдать экзамен.

Я постучал в дверь своего командира – командира десантной бригады и, спросив разрешения, вошел в кабинет. В кабинете мне приходилось бывать неоднократно: совещания, взбучки, нагоняи, благодарности. То есть стандартные отношения: командир – подчиненный. Окинул взглядом присутствующих: начальник штаба бригады, начальник особого отдела и двое гражданских, но, судя по выправке и короткой стрижке, – офицеры. Выбора не было: четко, строевым шагом отчеканил пять шагов в сторону начальника штаба и доложил:

– Товарищ подполковник, старший лейтенант Щетинин прибыл по вашему приказанию.

– Алексей Щетинин. – Спокойно и буднично произнес один из гражданских.

– Так точно. – Ответил я, не поворачиваясь. А самому вспомнились кадры кинофильма “Офицеры”, где шпингалет – суворовец докладывает генералу, он же артист Лановой, о своем прибытии. Я, как и тот малыш, отрабатывал громкий командирский голос и громким же голосом успокаивал себя перед предстоящим серьезным разговором.

Мы – шесть офицеров – десантников только вчера сдали последний теоретический экзамен и готовились к рейду – практический экзамен на выживаемость во вражеском, в буквальном смысле этого слова, тылу. Середина восьмидесятых не давала возможности военным расслабиться. Это касалось и всех частей, граничивших с китайцами, и постоянно ждавших от них очередного подвоха или провокации. Поэтому в этих условиях любой вид разведки был нужен, как воздух. А армия нужна была Родине, и это все понимали. А что было нужно нам: молодым крепким офицерам, к тому же, десанникам. В душе – авантюристы с беспшибашностью гусар, с не до конца выветренным под куполом ДП-5 серии 2 детством в, простите за грубое слово, заднице. Если американец Рэмбо может, а мы, что – хуже?! Фиг вам. Есть такое жилище у чукчей. И вот несколько месяцев буквально “диких” тренировок позади. Сегодня всех нас вызвали на последний разговор перед практическим экзаменом. Не шутка ведь: совершить сто километровый марш в Китай, обследовать район и вернуться. На китайцев, вьетнамцев и тому подобное мы не похожи, поэтому все двести км. с гаком придется только маскироваться и прятаться. А при этом еще и кушать хочется. Да и как на Руси всегда не один километр был. Ничего. Пробьемся. Мы же русские, в конце концов.

– Алеш, – по-отечески начал начштаба, – мы с товарищем подполковником, – при этом он кивнул в сторону начальника особого отдела бригады, – хорошо знаем тебя. Пригляделись за время службы и учебы. Но товарищам из Москвы нужно посмотреть на вас, поговорить. Они будут входить в состав экспертной группы, которая подведет итоги вашего рейда, и даст добро на то, чтобы в вашем удостоверении личности появилась соответствующая запись о вашей дополнительной специализации.

– Я понял, товарищ подполковник.

– Старший лейтенант, – спросил меня тот же гражданский, – какую из изученных дисциплин вы усвоили хуже всего?

– Китайский язык. Говорить могу. Медленно. Но слуховое восприятие разговорной речи слабое.

– А остальное?

– Оценен на “отлично”.

– Боли боитесь?

– Так точно.

– А если....

– Я знаю, куда иду, и что может быть.

– А если это “может быть” случится?

– Извините, не знаю вашего воинского звания, но, сидя на мягком диване в теплом кабинете, я могу наобещать многое. Жизнь покажет. Ситуация проверит.

– Хорошо. У тебя есть вопросы к нему? – Обратился он к своему товарищу.

- Нет.
- Хорошо. Обратите особое внимание на предложенный для разработки район.
- Я понял.
- Главное, чтобы ты это хорошо понял. Иди.
- Есть.

Козырнув, повернулся и вышел. Следом за мной пошел Краб. Вообще-то его хотели сначала назвать Скорпион – он родился в октябре, но Краб более короткое слово, а в бою краткость – мать жизни и мачеха смерти.

– Ну, что там?– Начали допытываться о моем впечатлении друга.

– Последняя проверка перед рейдом: загоняют иголки под ногти для проверки на терпимость.

Да, кулаки у моих друзей хорошие: даже шуточные удары достаточно чувствительны. Смотрины наши прошли по-военному быстро. Уже через час в спортзале, где мы начали тренировку, зашел начальник штаба.

– Ну, что, орлы, счастливого полета. Таможня дала добро. На всех. Молодцы. Они остались довольны. А сейчас – по домам. Сбор в двадцать три тридцать. Полчаса на переодеваться и ровно в ноль-ноль по машинам. Остроухов отвезет вас до группы поддержки. В автопарке встретитесь. Еще раз – удачи.

Он пожал нам руки и вышел. Ополоснувшись в душе, разошлись и мы. Домой идти не хотелось, но и оставаться на службе было не лучше. Нужно было создать алиби и не выходить из легенды обычной командировки. Секретность есть секретность, и никто в части не знал о моей подготовке. Я просто ходил в зал и тренировался. Что это за мужчина, если он не хочет стать сильнее. Остальные тренировки проходили в паре километров среди сопok в оборудованном спецмаи КГБ лагере.

Дома меня ждало продолжение то ли воспитательного процесса по подкoблyчиванию, то ли не привыкания ко мне до очередной моей командировки. Как бы то ни было, но я был отлучен. И со мной не разговаривали. Вот она романтика офицерской жизни. Интересно, я один так выпендриваюсь и показываю, какой я счастливый семьянин или еще кто есть? От такой романтики на Марс полетишь, а не то, чтобы к китайцам. Я собрал свою привычную сумку и, не заходя в дверь, где сидела жена с дочкой, крикнул:

– Я уехал получать имущество. Вернусь через недельку или дней через десять. Буду звонить оперативному, если что. Пока.

Ответа так и не услышал. Может, уши плохо помыл. Надо устранить этот недостаток: глаза и уши – далеко не последнее в нашем предстоящем деле. Пришел в кабинет, бросил сумку на стол. Никого. Счастливые. Они знают, что будет завтра. А мое завтра зависит от подготовительной работы группы поддержки, от внимательности китайских пограничников и от случая. Слишком много если, а жизнь одна. Да-а-а. Жизнь бекова. И жена есть, а толку ни какого. Может, у нее кто другой? Может. Я свечку не держал. Лучше пойду в казармы, шмон устрою, на нормальные лица посмотрю. Дневальные смотрели на меня с небольшим удивлением, и даже зная мою должность, испугом. Если я испорчу настроение старшине роты, то цепочка замкнется на суточном наряде. Этот вариант развития событий мне был уже знаком. Я уезжал и мог запросто не вернуться, поэтому мне не хотелось, чтобы последними словами обо мне были типа такие:

– Хотя и козел он был, но об ушедших плохо не говорят.

Пара старшин в этот вечер явно напрашивались на внезапную ревизию. Хорошо быть начальником: в твоей власти казнить, то есть наказать, или помиловать. В обоих случаях перед самым уходом я произнес одну и ту же фразу:

– Старшина, срок – до утра. Не наведешь порядок – ротный перейдет на казарменное положение. Понял?!

И ответы по-армейски тоже были казенно – уставные, но с подбострастными нотками проштрафившегося котенка. Хм, котенка. Там такие котяры, что трех литровую банку сметаны махом слижут, и будут смотреть на тебя честными глазами младенца. Через недельку – другую надо будет обязательно проверить. Они, как пить дать, успеют расслабиться. Вот тут я их и прижучу, и раскручу на полную катушку. А сейчас нельзя: бросят в след какое гадкое слово и удаче хана. С удачей шутить нельзя – себе дороже будет. Вот такой я практик. А что подделаешь, если армейская жизнь штука суровая, и твои эмоции, чувства, чувствительность выбиваются муштрой и уставами. Нет, сегодня у меня явно паршивое настроение. Интересно, с чего бы это. Наконец-то на часах двадцать три двадцать и можно идти переодеваться. Мы, все шестеро будто стояли за одним углом. Вот, что значит военная пунктуальность. Это обнадеживает. Переоделись в комбинезоны разведчиков и прошли в автопарк. В темноте у автомобиля стояли три человека. По голосу узнали начальника штаба бригады. Четверо из нас служили в другой части, но нас двоих здесь знали все, вплоть до последнего солдата в кочегарке, поэтому “светиться” непривычной для нас одеждой было нежелательно. Солдатские сплетни, что женские. Подошли к машине. Оказалось, что нас проводить приперся еще и начальник политотдела бригады. Е-мое. Очень неприятный человек. Но это очень мягко сказано. Подчеркну – очень.

– Товарищ подполковник, – я взял за локоть начштаба и слегка потянул в сторону.

– Чего тебе?

– Товарищ подполковник, вы же знаете, что говорят офицеры про начПО. Это же плохая примета, а нам в рейд. Уведите его, пожалуйста.

– А что я могу сделать, если он сам у комбрига напросился вас в дорогу напутствовать. Ничего. Потерпи пять минут. Ты же десантник.

Вздыхнув, я вернулся к друзьям.

– Товарищи офицеры, – начал наш партийный товарищ, – вам выпала огромная честь поддержать честь десантных войск. Вы должны помнить об этом и не ударить в грязь лицом. Так же вы должны помнить, что вы все дали подписку на двадцать пять лет о том, что не будете разглашать информацию о своей учебе, об этом рейде. Мы с вами...

– Простите, товарищ подполковник, – перебил его я, – вы с нами идете за кордон?

– Нет, конечно.

– А-а. Просто вы сказали: “мы с вами...”, поэтому я подумал, что мы вместе будем на той стороне границы поддерживать честь десанта, окунаясь мордой в грязь для маскировки, а то и в дерьмо, чтобы сбить со следа собак.

– Товарищ старший лейтенант, – зашипел на меня начПО.

– Товарищ подполковник, – повернулся я к начальнику штаба, – я хотел сверить с вами кроки маршрута, а то в машине на ходу не получится, а попасть в руки китайцев в самом начале из-за этого не хочется.

– Да, да. Давай залезем в машину, и там, на столе еще раз все обсудим. Петрович, ты домой? Я, как их отправлю, позвоню командиру и доложу, что ты был. Я думаю, не надо нам обоим ему ночью звонить. Утром еще раз доложишь.

Было видно, как начальник политотдела нервно сжимал и разжимал кулаки. Он бы меня сейчас разорвал на куски. Фигурально, конечно. На практике я бы его убил за десять секунд. Но он – замкомбрига, а я только старший лейтенант на капитанской должности.

– Ну, ты, старлей, и оборзел. – С улыбкой сказал мне начальник штаба, усаживаясь за столик в штабной машине.

– Ну, почему – в свою очередь спросил я его, – до замполита батальона, полка человек нормальный, а становится начальником политотдела бригады, дивизии – всё – барин.

– Ты не хами, старлей.

– Товарищ подполковник, но это же не только мое мнение. Взводный, пройдя путь до начальника штаба или командира полка, жалеет солдат и дрюкает молодых командиров за плохое отношение к солдатам, а эти сразу губу раскатывают. Все – барин, хозяин. Старый ушел, этот пришел. А как один человек – все лживо. Мы же не идиоты. Мы не только видим, но и чувствуем, как к нам кто относится.

– Ладно, ладно. Посмотрю на тебя, когда сам подполковником станешь.

– А солдаты говорят: плохая примета, если на прыжки начПО приехал. Вот как.

– Отставить, старший лейтенант. Не каркай. Тьфу, тьфу, тьфу. Все будет хорошо. Это я тебе говорю.

– А за доброе слово – спасибо.

– А что за ерунду ты начал нести про кроки?

– Да он же меня чуть не загрыз.

– Это точно. Ладно, ни пуха, ни пера.

– К черту, товарищ подполковник. И вам не болеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.